

Я самый учтивый человек на свете. Моя заслуга в том, что я никогда никого не обижаю и покорно сношу назойливость невежд, которые бесцеремонно повествуют о своих невзгодах, а то и читают стихи собственного сочинения.

Генрих Гейне. Путевые заметки

В серебряных канделябрах уютно горели свечи, их огоньки отражались в хрустале высоких бокалов. Раскуривая толстую гаванскую сигару, министр внимательно разглядывал необычного гостя. Ему было совершенно ясно: господин, столь настойчиво добивавшийся встречи, — отъявленный пройдоха. Но однажды министру довелось видеть, как к дверям ресторана «Ларди» этого типа подвез великолепный экипаж, запряженный парой сытых английских кобыл, а на ухоженных пальцах, снимавших с сигары кольцо, сейчас блеснул золотой перстень с крупным бриллиантом. Министр оценил элегантную непринужденность, с которой держался господин; припомнил он и ходившие по Мадриду смутные слухи о его темном прошлом... Так что сомнений не оставалось: посетитель был не просто какой-то пройдоха, а пройдоха богатый и влиятельный. Министру же, не считавшему себя радикалом в вопросах этики, было отнюдь не безразлично, к какому сорту негодяев принадлежит стоящий перед ним субъект, — его терпимость прямо зависела от до-

стижений и успехов каждого конкретного представителя этого племени. Когда же он предчувствовал, что удастся сорвать крупный куш ценой маленькой сделки с совестью, он делался поистине великодушным.

— Мне нужны доказательства, — произнес министр, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

Обоим было ясно: сделка состоится. В глазах посетителя мерцали огоньки. Беседа шла именно так, как он предполагал. Тонко улыбнувшись, он одернул белоснежные манжеты, отчего крупные бриллианты на запонках вызывающе сверкнули, и достал конверт из внутреннего кармана сюртука.

— Доказательства — само собой, — проговорил он с легкой иронией.

Запечатанный сургучом конверт лежал на шелковой скатерти у самого края стола возле руки министра. Министр не прикасался к нему, словно боясь подхватить неведомую заразу, и выжидающе смотрел на гостя.

— Я слушаю вас, — произнес он.

В ответ господин пожал плечами и небрежно указал на конверт: казалось, выпустив его из рук, владелец потерял к нему всякий интерес.

— Взгляните сами, — произнес он равнодушно, словно происходившее не имело к нему отношения. — Имена, адреса... Вам это покажется, во всяком случае, забавным: будет чем занять ваших агентов.

— Неужели здесь указаны все соучастники?

— Скажем так: те, о ком следует упомянуть. Когда речь идет о больших деньгах, приходится все тщательно взвешивать.

При последних словах он снова улыбнулся. На этот раз его улыбка показалась министру несколько вызывающей.

— Сударь, у меня складывается впечатление, что вы относитесь к своему поступку несколько легкомысленно. То, что вы делаете... — Неоконченная фраза прозвучала раздраженно и угрожающе. На лице посетителя мелькнуло удивление.

— Вы же не будете настаивать, — вымолвил он, поразмыслив, — чтобы я, как Иуда, рисковал за какие-то тридцать сребреников... А вы намекаете именно на это.

Министр положил руку на конверт.

— Еще не поздно забрать бумаги назад, — проговорил он, держа сигару в зубах. — Для вас это было бы своего рода героизмом.

— Я отлично вас понимаю. — Гость допил коньяк, поднялся и взял с соседнего стула трость и цилиндр. — Но герои, как правило, гибнут. Или разоряются. Во втором случае мне придется терять слишком много; вы, сударь, знаете это лучше кого-либо другого. Человек в моем возрасте, к тому же занимающийся делами столь серьезными, ценит здравый смысл куда выше добродетели. Это диктуется инстинктом. Так что я за собой вины не чувствую.

Они не стали обмениваться рукопожатием или иными общепринятыми знаками расположения. Шаги на лестнице стихли, прогрохотал отъехавший экипаж. Оставшись один, министр надломил сургуч, раскрыл конверт, надел очки и придвинул канделябр. Сделав маленький глоток коньяка, он надолго углу-

бился в чтение. Отложив последний документ, некоторое время сидел неподвижно, покуривая сигару. Затем посмотрел задумчиво в камин, отапливающий его небольшой кабинет, лениво поднялся и подошел к окну.

Впереди его ждало несколько часов утомительной работы, и он чуть слышно чертыхнулся. В ту ночь на Мадрид обрушился ледяной ливень, принесенный ветром с заснеженных вершин Гуадаррамы. То была ночь 1866 года. В Испании правила Ее Католическое Величество донья Изабелла II¹.

---

¹ *Изабелла II* (1830–1904) — королева Испании (1833–1868), дочь Фердинанда VII. Вошла в историю как капризная, расточительная правительница, окружавшая себя фаворитами. Царствование Изабеллы совпало с бурным периодом в истории Испании. Еще до ее рождения, в период правления ее отца, начались т. н. «карлистские войны» — по сути, борьба за испанский престол. В ней участвовали две основные группировки: первая отстаивала интересы Фердинанда VII, вторая — его брата Карлоса V, также претендовавшего на трон. Во время правления Изабеллы борьба за престол продолжилась и постепенно переросла в гражданскую войну. Власть королевы опиралась на поддержку военных, и ее правление часто называют «генеральским режимом». Произошло несколько дворцовых переворотов. В начале Испанской революции (1868–1874) Изабелла II бежала во Францию. — *Здесь и далее примеч. перев.*

I

Немного о поединке

*Поединок двух порядочных людей
под руководством учителя, исполненного благородных
побуждений, — достойный образец хорошего вкуса
и изысканного воспитания.*

Когда много времени спустя дон Хайме Астарлоа попытался выстроить в цепочку разрозненные события той трагедии и припомнить, как все началось, перед его мысленным взором первым возник маркиз. Вспомнилась открытая терраса в зеленом парке Ретира, жаркие дни начала лета, теплый ветер, врывавшийся в распахнутые окна, и свет — он отражался в вороненой стали рапир, такой нестерпимо яркий, что приходилось невольно щурить глаза.

В тот день маркиз был не в форме; дыхание вырывалось из его легких с шумом кузнечного меха, рубашка намочла от пота. Такова, к сожалению, была расплата за чересчур бурную ночь, но дон Хайме, как обычно, воздержался от неуместных замечаний.

Личная жизнь учеников его не касалась. Он без труда отразил беспорядочные уколы разгоряченного маркиза и быстро атаковал. Гибкая итальянская сталь рапиры согнулась, когда наконечник уткнулся в грудь противника.

— Укол, ваша светлость.

Луис де Аяла-Велате-и-Вальеспин, маркиз де лос Алумбрес, чертыхнулся и в бешенстве сорвал маску. Лицо его было багровым, потным от жары и напряже-

ния. Сбегавшие по лбу крупные капли пота застрева-
ли в бровях и усах.

— Черт бы меня побрал, дон Хайме... — Голос мар-
киза дрогнул от смущения. — Как вам это удается?
Вот уже третий раз за последние четверть часа вы раз-
биваете меня в пух и прах.

Дон Хайме пожал плечами. Он снял маску; под
тронутыми сединой усами виднелась снисходитель-
ная улыбка.

— Сегодня у вас неудачный день, ваша светлость.

Луис де Аяла рассмеялся и принялся мерить ши-
рокими шагами галерею, украшенную дорогими фла-
мандскими гобеленами, старинными шпагами, саблями
и рапирами. Его пышные вьющиеся волосы походили
на львиную гриву. Все в нем, казалось, кипело энерги-
ей и темпераментом: большое сильное тело, громовой
голос. Превыше всего в этом мире ценил он широту
души, вспышки восторга и страсти, пылкую дружбу...
В свои сорок лет он оставался холостяком. Холеный,
статный, маркиз де лос Алумбрес был, как утвержда-
ли, настоящим баловнем судьбы. Заядлый игрок и не-
утомимый любитель женщин, он казался воплощени-
ем гуляки-аристократа, образа столь модного в Испа-
нии XIX века: за свою жизнь он не прочитал ни единой
книги, зато мог пересказать на память родословную
любой мало-мальски известной лошади с ипподромов
Лондона, Парижа или Вены. Что же до женщин, доста-
точно вспомнить частенько гремевшие на весь Мад-
рид скандалы, которые становились притчей во языцех
великосветских салонов, жадных до новостей и спле-
тен. Для своих сорока лет он выглядел превосходно,
и стоило лишь вскользь упомянуть о нем, как дамы

томно вздыхали: для них его имя стало символом любовных перипетий и бурных страстей.

При дворе ее величества, в этом замкнутом чопорном мирке, про маркиза слагались легенды. Прикрывшись веером, дамы шептались. Поговаривали всякое: что как-то раз во время пирушки в одном из кабачков Куатро-Каминос¹ он затеял бурную ссору с поножовщиной — и это было неправдой; что в его усадьбе в Малаге жил якобы некогда усыновленный им сын знаменитого разбойника, которого казнили, — а вот это была чистая правда. О его участии в политической жизни — правда, весьма эпизодическом — говорилось мало, зато истории о его любовных похождениях облетели весь город. Болтали, будто некоторые обманутые мужья, занимавшие довольно высокое положение в обществе, имели достаточно оснований вызвать маркиза на дуэль; не у всех, правда, хватало мужества. Четверо или пятеро, скорее всего, просто затем, чтобы удовлетворить общественное мнение, послали к нему секундантов, но их смелое решение привело к печальным последствиям: все они, пожертвовав сладким предутренним сном, встретили новый день, истекая кровью на траве безымянного луга в окрестностях Мадрида. И наконец, сплетники доходили до совсем уже невообразимых предположений: среди сонма обманутых мужей был якобы даже сам король. Впрочем, славный Франсиско де Асиз² вряд ли стал бы ревновать свою августейшую супругу. Пала Изабелла II жертвой губительного обаяния маркиза или нет, навеки осталось тайной, известной лишь самим царствующим особам да испо-

---

¹ *Куатро-Каминос* — пригород Мадрида.

² *Франсиско де Асиз де Бурбон* (1822–1902) — племянник Фердинанда VII, принц-консорт, супруг Изабеллы II.

веднику ее королевского величества. А у беззаботного маркиза не было не только исповедника, но, как говаривал он сам, ни малейшего желания заводить оного.

Маркиз снял нагрудник, оставшись в одной рубашке, и задумчиво положил рапиру на столик, куда слуга поставил серебряный поднос с бутылкой вина.

— На сегодня хватит, дон Хайме. Что-то не везет мне... Выпьем-ка лучше хереса.

Завершающая ежедневные тренировки рюмочка хереса превратилась для них в ритуал. Держа в левой руке маску и рапиру, дон Хайме взял у хозяина дома хрустальный фужер, где, словно жидкое золото, сверкало вино. Маркиз с наслаждением вдохнул аромат.

— Признайтесь, маэстро: в Андалусии всякую дрянь в бутылки не наливают. — Он не спеша пригубил золотистую жидкость и прищелкнул языком. — Посмотрите-ка на свет: чистое золото, солнце Испании. Разве можно сравнить это с бурдой, которую пьют за границей?

Дон Хайме с готовностью согласился. Ему по душе был и сам Луис де Аяла, и его манера обращаться к нему «маэстро», хотя, по сути, маркиз не был его учеником: при королевском дворе он вот уже много лет считался лучшим фехтовальщиком и давно не нуждался ни в чьих уроках. Его отношения с доном Хайме были иного рода: маркиз любил фехтование так же страстно, как карты, женщин и лошадей. И неудивительно, что ежедневно он целый час проводил с рапирой в руке. Это занятие было не только полезным упражнением для тела — оно имело еще и неоценимый практический смысл: с помощью шпаги или рапиры маркизу время от времени приходилось решать вопросы чести. Лет пять назад в поисках достойного противника Лу-

ис де Аяла обратился к лучшему учителю фехтования Мадрида — именно таковым слыл дон Хайме, хотя любители моды считали его стиль излишне консервативным. С тех пор ежедневно, кроме субботы и воскресенья, ровно в десять утра учитель фехтования приходил во дворец Вильяфлорес, где жил маркиз. Именно там, в просторном фехтовальном зале, отделанном по последнему слову тогдашней светской моды, маркиз неистово, с ожесточенным пылом атаковал и блестяще отражал самые хитроумные атаки, хотя в конце концов неизменно побеждали талант и мастерство дон Хайме. Маркиз, лидер от природы, тем не менее умел достойно проигрывать и относился к незаурядному профессионализму старого учителя с искренним восхищением.

Поморщившись, словно от боли, маркиз ощупал свое тело и притворно вздохнул.

— Клянусь преисподней, маэстро, давненько вы меня так не отделявали... После вашего урока меня спасет только хорошая бутылка вина.

Дон Хайме усмехнулся:

— Я же предупреждал, ваша светлость: сегодня у вас не лучший день.

— Да уж. Если б у вашей рапиры не было наконечника, вы бы отправили меня на тот свет. Боюсь, я выглядел не лучшим образом.

— За безрассудства приходится платить, ваша светлость.

— Что правда, то правда. Особенно в моем возрасте. Я ведь уже не мальчишка, черт побери! Но ничего не поделаешь, маэстро. Вы и представить не можете, что со мною стряслось.

— Наверное, вы влюбились, ваша светлость.

— Вы правы, — вздохнул маркиз, подливая себе хересу. — Влюбился, как последний щенок. По уши.

Дон Хайме кашлянул и пригладил усы.

— Если не ошибаюсь, — заметил он, — уже третий раз за этот месяц.

— Ну и что? Уж если я влюбляюсь, то влюбляюсь по-настоящему. Вы меня понимаете?

— Отлично понимаю. Я совершенно серьезен, ваша светлость.

— Просто удивительно! Чем старше, тем безнадежнее влюбляюсь и ничего не могу с собой поделать. Рука по-прежнему сильна, а сердце слабо, как говорили поэты. Если бы вы только знали...

И маркиз многословно, с выразительными недомолвками принялся описывать всепожирающую страсть, которая довела его в ту ночь до полного изнеможения. О да, настоящая светская дама... И муж, как водится, в полном неведении.

— Вы совершенно правы, маэстро. — По лицу маркиза скользнула озорная улыбка. — Сегодня я расплачиваюсь за свои грехи.

Дон Хайме укоризненно покачал головой.

— Фехтование — как причастие, — улыбнулся он. — Приступить к нему надо, очистив тело и душу. Стоит нарушить неписанный закон — и наказание неизбежно.

— Черт возьми, маэстро! Надо бы это записать.

Дон Хайме поднес к губам рюмку. Он казался полной противоположностью маркиза: далеко за пятьдесят, среднего роста; худоба придавала его телу, крепкому, сухому и сильному, словно сплетенному из упругих виноградных лоз, обманчиво хрупкий вид. Орлиный нос, чистый высокий лоб, седые пышные волосы, тон-

кие изящные руки воплощали в себе сдержанное достоинство, которое еще более подчеркивалось серьезным выражением серых глаз, окруженных тонкими морщинками, делавшими его улыбку на удивление обаятельной и живой. Подвитые на старинный манер усы были не единственной старомодной чертой в его облике. Скромные средства позволяли ему одеваться неброско и практично, но делал он это с элегантною минувших времен, чуждой сиюминутным влияниям моды. Его костюмы, даже купленные совсем недавно, были сшиты по выкройкам, изготовленным лет двадцать назад, что, впрочем, для возраста его можно было считать хорошим тоном. Все это придавало старому маэстро вид человека, для которого не существует времени, человека, нечувствительного к ритму своей эпохи. В глубине души эта отчужденность от времени приносила ему особенное, загадочное, ни с чем не сравнимое наслаждение.

Слуга принес маэстро и маркизу большую лохань с водой для умывания. Луис де Аяла снял рубашку; на его могучей груди, лоснившейся от пота, виднелись красные следы уколов учебной рапиры.

— Клянусь Люцифером, маэстро, вы сделали из меня решето... Подумать только, за что я расплачиваюсь!

Дон Хайме вытер лоб и посмотрел на него с иронией. Маркиз тем временем, сопя, обмывал торс.

— Ну а если говорить серьезно, — добавил он, — политика наносит удары безжалостнее. Представьте только, Гонсалес Bravo¹ предложил мне вернуться в парламент! Говорит, с видами на очень солидную должность.

---

¹ *Луис Гонсалес Bravo* (1811–1871) — испанский политик, сторонник Нарваэса.

Должно быть, не на шутку влип, раз ему вдруг понадобился такой пропащий человек, как я.

На лице маэстро изобразилось притворное недоумение. К политике он был совершенно равнодушен.

— Что же собирается делать ваша светлость?

Маркиз презрительно пожал плечами:

— Делать? Да ровным счетом ничего. Я уже сказал моему сиятельному тезке: пусть это теплое местечко займет его папенька. Конечно же, я употребил другие выражения. Мне больше по душе беззаботная жизнь, стол в казино и хорошенькие глазки. А прочего у меня и так хватает.

Луис де Аяла был депутатом в кортесах. Когда-то, во время правления одного из последних кабинетов Нарваэса¹, он занимал важный пост в канцелярии Министерства внутренних дел. Его отставка несколько месяцев спустя совпала по времени с гибелью титулярного советника Вальеспина Андреу, его дяди со стороны матери. Чуть позже Аяла, на сей раз по собственной воле, оставил должность в конгрессе и покинул ряды партии «модерадос»², в которой состоял до поры до времени, не проявляя, впрочем, особого рвения. Выражение «у меня и так всего хватает», произнесенное маркизом на собрании в Атенеэ, стало крылатым, и вскоре его заимствовали политики — пускали в ход всякий раз, когда кто-нибудь хотел выразить, до какой

---

¹ *Рамон Мария Нарваэс* (1800–1868) — герцог Валенсийский; испанский политик, генерал, фактически диктатор Испании в 1843–1854 гг. Родился в г. Лохе, в провинции Гранада, поэтому в дальнейшем упоминается как Всадник из Лохи. Поддерживал Изабеллу II, неоднократно становился главой правительства, исповедовал принцип «применять палку и бить крепко».

² «*Модерадос*» — правое крыло оппозиции монархии, выражающее интересы крупной буржуазии и крупных помещиков.

степени он разочарован скверным положением дел в стране. С тех пор маркиз де лос Алумбрес держался в стороне от любой общественной деятельности, отказывался от участия в гражданских и военных акциях, проходивших в правящих кабинетах монархии, и наблюдал за политическими волнениями издали с самодовольной улыбкой дилетанта. Жил он на широкую ногу и, не моргнув глазом, проматывал за игорными столами огромные суммы. Злые языки поговаривали, что Луис де Аяла частенько оказывался на грани разорения, но каждый раз он умудрялся поправить свое экономическое положение, словно его оскудевшие средства неустанно пополнялись из таинственных неисчерпаемых источников.

— Ну а как ваши поиски Грааля, дон Хайме?

Не застегнув до конца рубашку, маэстро замер и печально посмотрел на собеседника.

— Не очень хорошо. Точнее сказать, весьма средне... То и дело задаю себе вопрос, по силам ли мне его найти. Бывают минуты, когда, признаться, я бы с радостью отказался от этих поисков.

Луис де Аяла закончил омовения, перекинул полотенце через плечо и взял стоявшую на столе рюмку хереса. Побарабанив пальцами по хрусталу рюмки, он прислушался к звуку с явным удовольствием.

— Что это вам взбрело в голову, маэстро? Кому, как не вам, этим заниматься?

На губах дон Хайме мелькнула грустная улыбка.

— Спасибо за доброе слово, ваша светлость. Но в мои годы понимаешь, что жизнь состоит из сплошных разочарований... И главное — разочаровываешься в себе самом. Я начал подозревать, что моего Грааля просто не существует.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Немного о поединке	11
II. Двойная ложная атака	45
III. Неопределенное время ложной атаки	79
IV. Короткий укол	111
V. Атака с оппозицией	171
VI. Сильный батман	207
VII. Вызов	239
VIII. С боевым клинком	271